

Принято считать, что технологию "цветных революций" разработал в 1970-е годы Джин Шарп и изложил в своей знаменитой методичке "198 методов ненасильственных действий", а применяться эта технология стала лишь в конце XX века. Но это далеко не так. Предлагаем вниманию читателей статью о британских операциях XIX века, связанных с организацией заговоров и революций в разных странах мира.

ВОССТАНИЕ декабристов принято представлять как сугубо внутреннее событие, выступление оппозиционных офицеров, увлечённых идеями европейских реформ. Хотя в начале XIX века технологии экспорта революций были уже отработаны, использовала их в первую очередь Англия. Она была мировым финансовым центром и одновременно центром мирового масонства, а структуры "вольных каменщиков" стали удобным инструментом для подрывных операций. Бороться за сферы влияния такими методами оказалось гораздо эффективнее и дешевле, чем вести войны.

Например, в 1800 году англичане захватили стратегическую базу в Средиземном море, Мальту, уже юридически принадлежавшую России. В ответ Павел I арестовал в русских портах более 300 британских судов. Наложил эмбарго на торговлю с британцами, на поставки им хлеба. Назревала война. Но в ночь на 12 марта 1801 года царя убили. Непосредственными исполнителями ничего не выиграли! Наоборот, сломали себе карьеру, по сути, дожили в ссылках по поместьям. Но заговором фактически руководил посол Англии Чарльз Уитворт. Участники переворота собирались на квартире его любовницы Ольги Жеребцовой. А

Валерий ШАМБАРОВ

Убийство императора Павла I в марте 1801 года. Художник Феликс Филиппото.

возшедший на престол Александр I сразу же подписал дружественную конвенцию с Англией, отказавшись от любых претензий, в том числе и от Мальты. Снял арест с судов и активов англичан, открыл им свободную торговлю, и они завалили Россию своим импортom.

Еще с XVI века соперницей Англии была Испания, огромнейшая мировая держава — ей принадлежали большая часть Америки, ряд других владений. Её американские провинции жили даже лучше и богаче, чем метрополия. Национальной дискриминации не было, в отличие от британских колоний. Крепённые индейцы считались равноправными подданными Испании. Богатые креолы (потомки испанских переселенцев) и метисы владели плантациями, торговали, занимали важные должности в администрации. Посылали детей учиться в Европу. А там они вступали в масонские ложи и проникались "борьбой за свободу". Поддерживала такие идеи Англия, она рвалась торговать с Латинской Америкой через голову Мадрида, но ей не позволяли.

В 1810 году, когда Испанию поднял Наполеон, по Америке полыхнула цепная реакция революций. Правда, после побед над французами испанцы послали войска и подавили все мятежи. Но в 1816–1817 годах их заокеанские владения вдруг снова взорвались. И вдобавок в 1820 году разразилась революция в самой Испании.

монархам прислала войска Австрия. Но тем самым итальянцев соросили с австрийцами. Народ стал воспринимать их как оккупантов. А Англия выступала покровительницей итальянских "свобод", центры революционеров обосновались на её территории.

В Греции национально-освободительная борьба назревала давно. Но операция была продумана очень хитро. Масонская организация "Филики Этерия" базировалась в Одессе. Собирала греческих офицеров, состоявших на русской службе, во главе с генералом Испиланти. В 1821 году он с отрядом перешёл границу и призвал к восстанию. До Греции этерийцы не добрались, почти все погибли. Но турки приехали истить всем православным — в Константинополе повесили патриарха и трёх митрополитов.

Россия возмутилась, прервала дипломатические отношения с Портой. А европейская пресса подняла скандал — дескать, восстание устроили русские, хотят захватить Константинополь. После расправы над иерархами церкви оно и впрямь широко разлилось по Греции. Александр I намеревался помочь ей. Но Англия и Франция ткнули его носом в его же собственные принципы Священного Союза: греки выступили против своего законного монарха. Значит, были революционерами. При таком раскладе царь отказался от вмешательства.

Но финансировать восстание стала Англия — под видом пожертвований британских греческих общин. Вместе с французами она раздвинула симпатии к повстанцам. Собирали деньги, посылали оружие, туда ехали добровольцы вплоть до рекламной фигуры Байрона. Полутно грекам внушали: царь отказался от вас, предал на расправу султану. Подсказывали и сербам, болгарам, валахам — каково надеяться на русских. А "друзьями" выступали Англия и Франция, подрывая на Балканах российское влияние и внедряя своё. Изменил положение Николай I. Греция, Сербия, Валахия и Молдавия освободились и получили автономно благодаря русским победам, по Адрианопольскому договору. Но греческую верхушку и интеллигенцию уже успели переоориентировать на Запад. Те же тенденции проявились в Болгарии, Валахии.

А во Франции к власти пришёл Карл X, пытался укреплять монархическое начало в противовес либеральному, взял курс на сближение с Россией. В 1828–1829 годах царские войска громили турок, наступали на Балканы — и переполошилась Австрия.

Было бы удивительно, если бы против неё не использовали революционные технологии. Впрочем, рассматривать в отдельности только декабристов было бы некорректно. Они стали составной частью целого букета заговоров. Так, кроме самых известных, "Северного" и "Южного" обществ, существовало ещё "Тайное общество грузинских дворян" с отделениями в Тифлисе, Москве, Санкт-Петербурге.

Оно вовлекало в свои ряды грузинских офицеров, чиновников, студентов. Строил планы отделиться от России, возродить Грузинское царство и возвести на престол царевича Александра. Он жил в Персии, формировал отряды из эмигрантов и наёмников. В двух войнах России с этой страной сражался на вражеской стороне, вторглся через границу, пытаясь поднять мятежи. А Грузию мечтал передать под покровительство шаха. Хотя это выглядело парадоксально — ведь Россия приняла грузин по их собственным отчаянным мольбам, спасая от истребления именно персами!

Грузинские заговорщики были связаны с декабристами, вхожими на их собрания.

следствии. В Польше тоже прокатились аресты. Но... из-за её автономии расписание было передано польскому правительству. После двухмесячных разбирательств оно постановило... освободить всех обвиняемых. Потому что суд польского Сейма отказался признать деятельность "Патриотического общества" государственным изменой. Революционеры начали готовиться к новому восстанию, которое и грянуло в 1830–1831 годах.

Деполитизован Слестственного комитета А.Д. Боровков записал, что именно через поляков декабристы осуществляли связи с масонскими структурами Англии, Франции, Испании, Венгрии. Для Великобритании представляли интерес и грузинские сепаратисты. В Лондоне считали важной задачей вытеснить Россию с Кавказа. Осуществлялись поставки оружия немилым горским племенам, Персии, там действовали английские военные советники. А грузинского царевича Александра в вылазках на российскую территорию сопровождал британский офицер Уильям Монтейт, оставивший записки об этих походах.

Впрочем, в деле декабристов вообще многое оказалось зямто. Следствие как-то деликатно обошло стороной масонские корни тайных обществ, финансирование. А оно было: очевидцы вспоминали, что среди мятежных солдат многие были пьяны, как и толпы примкнувшей черни, — кто это оплатил? Высокопоставленные вельможи, по многим признакам причастные к заговору, — адмирал Мордвинов, член Государственного совета Сперанский, сенатор Сумароков и др. — остались "чистенькими", якобы не нашлось достаточных доказательств. Что же касается пятерых казнённых, то Каховский был пешкой, проигравшей вдрыз; жил на содержании сообщников, за что и расплатился ролью киллера, убив Милорадовича и полковника Стюрлера. Четверо остальных были непосредственными руководителями революционеров, но у них было ещё кое-что общее. Они слишком много знали. В том числе о связях с иностранцами (взаимодействие с поляками курировал Бестужев-Рюмин). Могила сокрыла их тайны.

ПРИРОЖДЁННЫЕ УБИЙЦЫ

О подрывных операциях Великобритании в России

Особенно был близок к ним идеолог сепаратизма, редактор газеты "Тифлисские ведомости" Соломон Додашвили. Но эта тайная организация была всё же слабовата. Куда более мощным было "Патриотическое общество" в Польше. Ведь Александр I благородно даровал ей конституцию, полную автономию, у неё было своё правительство, парламент, своя армия. Вот в этой армии и орудовало "Патриотическое общество", готовило восстание. Оно координировало и целый ряд более мелких польских и литовских организаций: "друзей", "промишников", "тамплиеров" и др.

Польские "патриоты" вели революционную агитацию даже среди русских офицеров, при их прямом участии было создано "Общество соединённых славян", выступавшее за некую "демократическую федерацию" всех славянских народов. Позже оно объединилось с "Южным обществом". Между прочим, мы привыкли рассуждать о целях и взглядах декабристов, опираясь на их программные документы, "конституцию Муравьёва", "Русскую правду" Пестеля. Но факты показывают, что это были всего лишь декларации, очень серьёзно расходившиеся с реальностью. Как и у всех революционеров, для которых главным было одно — борьба за власть.

Тот же Пестель в "Русской правде" рекламировал "неделимую" республику. Но это не мешало декабристам дружить с грузинскими сепаратистами. А переговоры с представителем "Патриотического общества", князем Яблоновским, Пестель вёл лично. Полякам были обещаны независимость, возвращение Литвы, Белоруссии, Подолии, Волыни и даже Малороссии! Не только Правобережной, но и Левобережной Украины, отошедшей к России при Богдане Хмельницком! В итоге договорились действовать вместе, восстание намечалось на 12 марта 1826 года, в 25-ю годовщину восшествия Александра I на престол.

И ведь план-то был продуман очень коварно и квалифицированно! Празднества, парады, смотры с перемещениями войск. Но это был юбилей не только царствования, а ещё и убийства Павла I! Напомним, организованного англичанами. Может быть, для оккультистов-масонов дата обладала какими-то особыми свойствами (в 1917 году в этот же день Англия, Франция и Италия официально признают Временное правительство). Но брался в расчёт и психологический фактор!

Александр I никогда не забывал, что он занял престол через труп отца. Как он покрыл убийство, объявив: "Батюшка скончался апоплексическим ударом" — и тем самым стал соучастником преступления. Это мучило царя, он кидался в мистицизм. В катастрофе Аустерлиц, нашествии Наполеона, пожаре Москвы, наводнении в столице, в собственной безднотности видел Божьи кары за страшный грех. И после первых доносений о заговоре он не предпринимал ничего! Потому что и сам знал за собой ту же вину. В юбилей, принимая поздравления, он должен был вспомнить особенно остро 12 марта 1801 года. Решится ли он в такой момент сопротивляться мятежу? Скорее, падёт духом. Воспримет как закономерное воздаяние...

Но случилось иначе. По одной версии, вмешался Сам Господь, и царя не стало. По другой, как раз новые сведения о заговорах вкуче с гибелью фельдгегера Маковского подтолкнули Александра I исчезнуть, уйти на покаяние в обители старца Фёдора Кузьмина (эту версию подтверждал святой прорицатель, старец Николай (Гурьянов)). Выигранный план рассыпался, начались аресты. В итоге "Северное общество" в панике с наследником выбрало для восстания день "переприписки" 14 декабря. В "Южном", уже обезглавленном, всплеснул погромами лишь бунт Черниговского полка.

Связи декабристов с "Патриотическим обществом" были полностью доказаны на

Но имеются ли свидетельства о прямых контактах самих декабристов с англичанами? Оказывается — да. Сергей Муравьёв-Апостол рассказывал на допросе, как делегат от "Южного общества" Княжечин ездил в Варшаву, встречался там с британским послом Стратфордом Каннингом, возвращавшимся через Польшу из Петербурга в Лондон. И вот на эту фигуру стоит обратить особое внимание. Чарльз Стратфорд Каннинг был совсем не рядовым и не случайным дипломатом. Он приходился двоюродным братом премьер-министру Джорджу Каннингу, был членом королевского Тайного совета, а в международных делах всегда оказывался правой рукой лорда Пальмерстона, одного из главных режиссёров политики "поддержки за границей либеральных течений". Читай — экспорта революций. Пальмерстон был и главным русофобом в английской верхушке.

Каннинг не был в России постоянным послом. В 1824 году его направили в ранге посла на переговоры о разграничении владений в Америке — между Российско-американской компанией, осваивавшей Аляску, английской компанией Гудзонова залива, действовавшей в Канаде, и Соединёнными Штатами. Причём США с русскими очень быстро достигли соглашения и подписали договор. Но с британцами переговоры почему-то затянулись, и Каннинг задержался в нашей стране до 1825 года.

Хотя здесь необходимо важное пояснение. Российско-американская компания (РАК) была "полугосударственной". Её акционерами были сам царь, члены императорской семьи, высокопоставленные вельможи. В компанию откомандировывались офицеры, нижние чины, направлялись военные корабли. Однако юридически это была частная организация. В ту эпоху подобное положение было обычным. Индию официально завоевывала не Англия, а Ост-Индская компания. И Канада точно так же осваивалась компанией Гудзонова залива.

Однако это значит, что и переговоры велись как бы не между государствами. Не в Министерстве иностранных дел, а в управлении РАК, на набережной Мойки, 72. Но... как раз это управление было гнездом "Северного общества"! Правителем канцелярии РАК был Рылеев! Заговорщики нередко собирались у него. А фактическим руководителем компании был адмирал Мордвинов, ярый англофил и покровитель Рылеева. После свержения царя декабристы намерели поставить Мордвинова во главе временного правительства.

Именно здесь в 1824–1825 годах обращался Стратфорд Каннинг, задержавшийся в России. С Рылеевым, возглавлявшим всё деполитизованное РАК, он общался постоянно. Очевидно, и с его товарищами. О чём они говорили, для нас остаётся сокрытым. В феврале 1825 года договор наконец-то был подписан. Но Каннинг вовсе не поспешил сесть на ближайший корабль и отчалить на родину. Нет, он почему-то отправился в Лондон совсем не быстрым путём. И совсем не удобным, учитывая тогдашнее состояние дорог. По начавшейся весенней распутице с непролазной грязью — через Варшаву. А там к нему прибыл делегат и от "Южного общества". Да и с польскими заговорщиками здесь можно было пообщаться.

Правда, показания Муравьёва-Апостола о совещании с Каннингом самоуверенно отверг польский главнокомандующий, великий князь Константин Павлович. Объявив, что это ложь. Дескать, у него в Варшаве контроль образцовый, неужели от него могло бы что-то утаиться? Не верить великому князю было нельзя. Вопрос о связях с англичанами был вроде бы закрыт. Хотя факты показывают, что Константин в Варшаве был глух и слеп, абсолютно не знал, что творится у него под носом. О восстании 1830 года он узнал только тогда, когда поляки вломались в его дворец — еле убежал.

И всё-таки можно утверждать, что Николай I знал о британском участии в заговоре. В 1832 году, уже после подавления польского восстания (и захвата польских архивов), министр иностранных дел Англия Пальмерстон направил свою "правую руку" Каннинга на один из самых престижных и ответственных постов. Послом в России! Теперь не для временной миссии, а постоянным. И вдруг царь... отказался допустить Каннинга в нашу страну.

Это вызвало страшный дипломатический скандал. Посла назначил британский кабинет, верительные грамоты уже подписал король. А царь его не принимает! Пальмерстон кипятился, угрожал. Заявлял, что другого посла в России не будет. Велел советнику посольства исполнять обязанности посла до вступления в должность Каннинга. Но и Николай упёрся. В ответ понизил ранг российской миссии в Лондоне, назначил поверенным в делах второстепенного чиновника. А на требования Пальмерстона подтверждал отказ.

Но ведь с назначением послом надо было что-то делать. Пальмерстон нашёл лишь курьёзный выход. Каннинга в ранге "посла в Российской империи" отправляли... в Испанию. А перед царём Пальмерстон сбавил тон, просил "разрулить" ситуацию по-хорошему. Пускай Каннинг только приедет в Петербург, представит императору и сразу уедет. Ответ Николая был характерным: что он согласен дать послу любой из российских орденов, только приезд для него запрещён.

О причинах, которые царь так и не назвал, до сих пор гадают историки. Потому что Каннинг в каких-либо антресолиских акциях как будто не светился. Публичных высказываний против нашей страны не делал. А после своего визита в 1824–1825 годах в Россию не бывал. Отокуда как раз и видно — царь располагал информацией о тайной деятельности Каннинга во время этого визита. И информация была настолько весомой, что он пошёл на международный скандал. Причём Николай знал — причина его отказа хорошо известна Пальмерстону, и Каннингу. Поясняет её не требовало. И англичане таких разъяснений даже не запрашивали! Они действительно знали причину.

Пальмерстон додумался лишь до провокации. Раз царь не принял Каннинга, направил к нему послом лорда Дуграма. Вот он-то проявил себя оготелым русофобом в парламентских выступлениях, в пропагандистских кампаниях. Но... его Николай I принял! На рейде Кронштадта, куда посол прибыл на британском корабле, царь по случаю объёзжал русский флот. Пригласил Дуграма к себе на пароход "Ижора". Запросо, без церемоний, побеседовал с ним. И посол, ехавший в Россию её врагом, был совершенно очарован императором! Стал его другом и почитателем! А мы ещё раз видим подтверждение — то, что натворил в нашей стране Каннинг, было гораздо серьёзнее, чем даже открытая пропагандистская русофобия.

К этому остаётся только добавить: тот же самый Стратфорд Каннинг с 1842 года обосновался послом в Османской империи. Стал главным советником султана Абдул-Меджида, самым влиятельным лицом в Константинополе! Кстати, "по совпадению", великим визирем в это же время стал Решид-паша, "отец" турецких масонских лож и основатель либеральной партии "Молодая Турция". Именно Каннинг с подачи Пальмерстона шаг за шагом режиссировал действия султана, провокациями втянув Россию в Восточную войну — когда на неё обрушилась чуть ли не вся Европа. Показав высочайший уровень в мастерстве закулисных интриг. Вот только с революцией декабристов у него и его начальства получилась "прокол". Довершать дело пришлось другим британским дипломатам и разведчикам в 1905-м и в феврале 1917 года.

Наталия СТЯЖКИНА КРАСОТА, СПАСИ МИР!

Метафизика русского памятника

ВАДЛЁКОМ ГОРОДЕ САРОВЕ, окружённом заповедными лесами и несколькими рядами колочей проволок, среди вековых сосен лежит кладбище. Как мрачно шутят саровчане — Арзамас-17. Кладбище обычное, городское, со скромными деревянными крестами и чёрными памятниками чуть побогаче. Ограды, пластмассовые цветы, новомодные туеки. Всё как везде. Есть лишь несколько особенностей. Это центральная почётная аллея, на которой расположены могилы академиков и заслуженных учёных физиков-ядерщиков. Это выгравированный символ атома, встречающийся тут и там на холодной чёрной глади памятных камней. И, пожалуй, последней особенностью кладбища Сарова является то, что за небольшую плату от детей и внуков, живущих уже за пределами города и не могущих посетить ни родной город, ни родные могилы из-за строгающего закрытого режима, за многими захоронениями здесь ухаживают работники кладбища, отправляя родственникам фотоотчёты раз в год.

Это простое городское кладбище и подобное ему ещё в десяти закрытых городах Росатома на сегодняшний день — единственные скромные памятники физикам-ядерщикам и их подвигу. Такие же закрытые и невидимые, как вся жизнь и работа этих учёных.

Когда-то давно лучшие из лучших вузов страны предоставили государству своих самых перспективных выпускников для создания советского ядерного щита. Потом, прошедшие собеседование и проверку на благонадёжность все эти отличники и отличницы, гении, изобретатели, дерзкие и увлечённые малышки и девчонки стали выдающимися учёными, интеллектуалами, умницами, на плечи которых легла ядерная безопасность страны. Когда-то все они служили, не щадя жизни (в прямом смысле слова, и это отдельная история), на благо Родины, создавая всё новые и новые образцы ядерного вооружения, — фактора, обеспечивающего мир и безопасность в самые тревожные и зыбкие времена. Собственно, именно они молча и тайно создали то, благодаря чему мы сейчас живём в "великой ядерной державе".

Феномен атомного проекта Советского Союза сложен и многогранен. Чтобы наконец по праву стать осознанной и неотъемлемой частью ментального кода нашего государства, священным знаменем для всех и каждого, он должен быть воспринят художником и материализован в образ.

Самым понятным и доступным может быть монументальный, скульптурный образ — памятник физикам-ядерщикам, учёным, испытателям и рабочим, своим талантом, трудом и самозабвенным служением выстроившим ядерный щит страны.

Да, в Дубне и Москве стоят бюсты-памятники отцам-основателям атомного проекта: Курчатову, Зельдовичу, Харитону. Памятник Лаврентию Берии на ВДНХ тоже поставят... Андрей Дмитриевич Сахаров в качестве одного из основателей советской атомной отрасли недавно удостоился чести предстать перед саровчанками в монументальной позе молодого и увлечённого мечтателя-мыслителя вне политики... И это прекрасно! Но это дань уважения конкретным людям.

Общенациональный монумент учёным-физикам должен стать апологией народной памяти, гордости, исторической истинности и ценности. Благодарности российского народа — советскому народу.

Для его создания мало быть хорошим скульптором. Здесь надо быть чутким слушателем, внимательным читателем, историком, интеллектуалом, патриотом, умеющим постичь, прочитать тайные письма истории страны и её народа, историю советской научной интеллигенции закрытых наукоградов, историю становления и развития их удивительного, светлого, благородного мира, историю предательства проекта и гибели выдающихся учёных в конце двадцатого века...

Образный идеал сложно достичь. Впрочем, любое творческое воплощение художника, любой памятник будет преображён и закончен уже без его участия. Создание памятника не заканчивается после последнего прикосновения к нему скульптора. Этому нет объяснения, но это так.

Даже некоторые новоявленные памятники современной Москвы, от несообразности которых мы подчас вздрагиваем, проходя мимо, живут своей жизнью. Невидимки, странно преображаясь, они постепенно становятся другими. Безобразные, бестактные, ничемные — они, бедные, всё равно стоят, нелепо, уповато втискиваясь в и без них неидеальную архитектурную среду города. Несчастные, нелюбимые страдальцы совсем одичали, редкие ротозеи подходят к ним ради селфи и иногда чиновники ради официального веночного церемониала — в лучшем случае раз в год. От них равнодушно отворачиваются, лишь скользя взглядом, над ними смеются, их терпеть не могут — но они всё равно живут — под полосами проливных дождей, под хлесткими ветрами, под глухими снеговыми шапками... Тайная жизнь памятников смиренная, потаённая. Кажется, что души людей, коим посвяще-

ны эти монументы, каждую ночь приходят и оплакивают свои образы. Как воплотившиеся ангелы или тени из потустороннего мира, они оплакивают неровные углы своих фигур, смягают неверные пропорции и сгорают безднотные черты. Песчинка как песчинка, царапка как царапка — и чудное дело! — в памяти начинает проступать заветный образ. Светлый, многострадальный, тёплый. И вот уже спустя несколько лет мы начинаем замечать, что глаза вдруг стали другими, уродливая поза приобрела оттенок благородной скорби и плавности, и даже нелепая громада мутного камня с кривым роцкером скульптора-гордеца словно засияла древнеримским абрисом с аллех цезарей, каждый вечер красиво вырисовываясь среди закятных свечащихся облаков московского неба.

Странное дело, эти памятники... Они как образы ушедших в мир иной людей — продолжают невидимо шифроваться нашей памятью и любовью, наполняя истинным, конечным смыслом...

Они живые. Созданные великими мастерами или нерадивыми высочками — они живут вместе с нами, преображаясь и преобразая нас. Даже не глядя на них, нарочито не замечая, мы дышим с ними одним воздухом, ходим по их земле. И даже! — в чём-то и когда-то играем по их правилам.

Трагедия нелепо вылепленной фигуры, лживо-парфосной композиции под самонадеянной рукой ваятеля, сомнительной идеи или спорного персонажа истории в том, что даже после своего чудесного преобразования останется навсегда в виде неряшливого штриха, равной складки, опрокинутой позы, недосказанности, которую уже никому не стереть и не дорассказать. Со временем она перестанет смешить, разочаровывать, удивлять. Она просто скорбно замрёт, свидетельствуя своей неточностью, неуверенной красотой и странной близкостью об эпохе межевермения и её героях...

Новые монументальные лики и образы возвестят о Новом времени, о конце межэпохи. Они будут наполнены смыслами иного уровня и иного толка. Они также будут стоять под буйными ветрами и ледяными дождями неуспокоенной нашей Родины. И к ним по ночам будут приходить те, кому они посвящены.

Крылатые, сильные, они будут освящать собой свои образы и землю, на которой стоят.

Пусть эта молитва, эта просьба к мирозданию будет услышана, и наш русский мир снова начнёт насыщаться подлинными смыслами и образами. Сложными, цельными, красивыми. Вдохновляющими, отрезвляющими и освящающими нас и нашу жизнь.

Подлинными произведения искусства, будь то книги, скульптуры, дома, музыка, и т.д., — пребывающие с нами вечно. Михаил Афанасьевич не ради красного слова написал, что рукописи не горят. Он знал это. Равно как и то, что все они ещё скажут своё веское слово...

Говорят, в Судный день зазвонит царь-колокол. Воссозданный многотелными смыслами и чаяниями, великий кремлёвский молчун неожиданно и страшно станет великим эсхатологическим провозвестником. Само небо зазвонит от его низкого, утробного, могучего голоса. Подобная странная судьба ждёт все истинные символы и спутники сакральной Москвы, переходящие в чертоги Небесного Царства. Тайновидцы говорят, что и храмы, и сады, и дома, и памятники будут восхищены в другое, тайное измерение... Многие — сожжённые, несённые, извергнутые — уже там. Избавленным, достойными из ныне живущих станут немногие, но те, что станут — будут пребывать в вечноности.

Если хотя бы на толику задуматься о возможности такой перспективы, то облик города, насыщенного высокими смыслами, станет высокой целью — заботой о вечноности.

Апокриф и пророчества, зафиксированные и принятые в официальной священной литературе, рассказывая о православной эсхатологии, пугают нас совершенно немислимыми, потрясающими, ужасающими вещами. Оживший беззвучный расколотый колокол и переходящий в вечноность художественное наследие городов — скупный реализм по сравнению с другими эффектными подробностями Конца света. Не будем о них сейчас. Скажем лишь, что это хороший повод задуматься о том, как и среди чего мы живём. Кто мы, если пускаем уродству плодиться в кровь себя. И кем хотели бы стать по факту нашей же священной и великой русской истории.